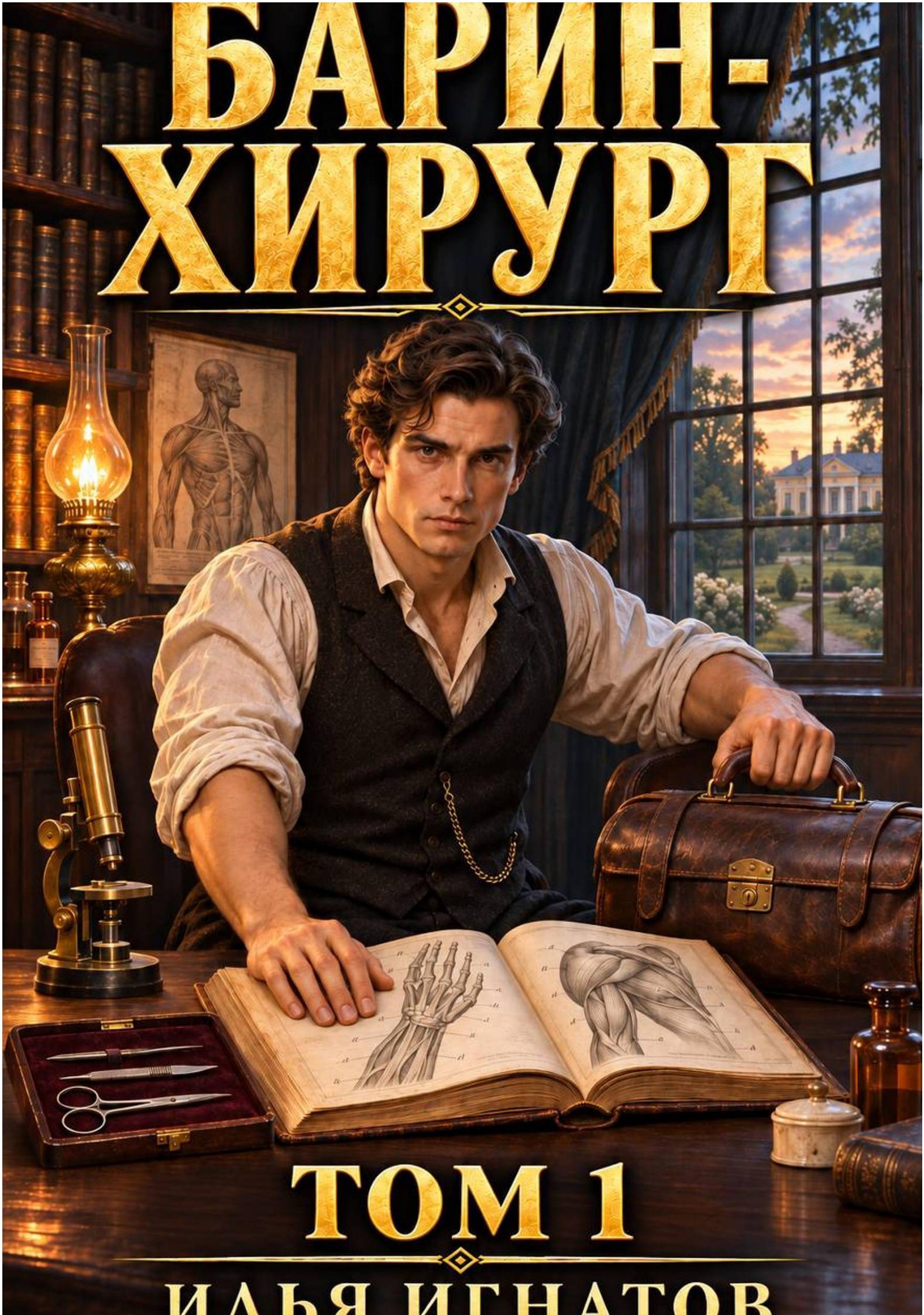
БАРИН-ХИРУРГ

ТОМ 1

ИЛЬЯ ИГНАТОВ

Илья Игнатов

Барин-хирург. Том 1

«Автор»
2026

Игнатов И.

Барин-хирург. Том 1 / И. Игнатов — «Автор», 2026

Военный хирург Сергей Лазарев приходит в себя в России 1886 года — в теле двадцатисемилетнего дворянина Александра Вельского. Вместе с чужим именем ему достаются разоряющаяся усадьба, долги и подпись под сомнительными бумагами.Разбираться с прошлым некогда: раненому на столе нужна помощь сейчас, а до больницы — часы дороги. У Лазарева есть опыт современной хирургии. Инструменты и лекарства придётся добывать, помощников — учить, а доверие новой семьи — заслуживать.Он берётся устроить в усадьбе лечебницу. Но влиятельный кредитор видит в его деле удобный способ держать Вельского на коротком поводке. А старая амбарная книга хранит след денег, предназначенных для больницы. Чем больше Лазарев спасает людей и разбирается в чужих счетах, тем опаснее становится его новая жизнь.

© Игнатов И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Чужие руки 5
Глава 2. До утра 11
Глава 3. Человек с распиской 17
Глава 4. Четыре места 23
Глава 5. Старшая сестра 28
Глава 6. Неполная правда 33
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Илья Игнатов
Барин-хирург. Том 1

Глава 1. Чужие руки

Первым делом я сосчитал пальцы.

Пять на правой, пять на левой. Ногти чистые, суставы целые, на указательном нет белого рубца. Я согнул кисть, разогнул, провёл большим пальцем по ладони. Рубец не появился.

За окном кто-то бил железом о железо. Неспешно, с остановками. Между ударами скрипело дерево и кричала птица. Пахло нагретым воском, влажной тканью и чем-то аптечным, знакомым, но давно вышедшим из моего повседневного обихода.

Ни дыма, ни бетонной пыли.

Я помнил, как пыль хрустела на зубах. Мужчину в домашней майке мы передали спасателям через пролом; он всё пытался забрать с собой табурет, на котором его тащили. Потом сверху посыпалась мелкая крошка. Я успел подумать, что надо пригнуться. Сквозь грохот услышал собственный сердитый голос: «Да куда вы вдвоём, по одному!» Дальше не было ни боли, ни света. Ничего, что помогло бы составить внятный эпикриз.

Теперь я лежал на широкой кровати под лёгким одеялом. На потолке, в круге лепнины, расцвела коричневатая трещина. У стены стояла печь, белая с синими цветами. На стуле — таз. В нём плавала сложенная салфетка.

Надо было позвать дежурную сестру.

— Сестра, — произнёс я и услышал голос молодого человека, недовольного тем, что его разбудили.

Дверь открылась сразу. Вошла девушка в сером платье и с такой испуганной готовностью, что я едва не извинился.

— Вы очнулись, Александр Павлович?

— Похоже. Где я?

Она замерла, держась за ручку двери.

— Дома.

Я помолчал. Слишком короткий ответ на слишком большой вопрос.

— А тебя как зовут?

— Дуня. Я сейчас барыню позову.

На слове «барыня» стало особенно тихо. Девушка вышла, не закрыв дверь, а я осторожно приподнял голову. Тупая боль прокатилась от затылка к вискам, желудок тут же предложил прекратить опыт. Я послушался.

Своё имя я помнил. Сергей Андреевич Лазарев. Пятьдесят пять исполнилось восемнадцатого января 2026 года. Военный хирург, последние два года — гражданская больница, хотя привычка держать тревожную сумку у двери никуда не делась. Знал, как зовут дочь, какой у неё адрес и что на день рождения опять послал деньги вместо того, чтобы приехать. Марии двадцать девять, и она уже давно умеет обходиться без моих обещаний. Помнил номер телефона. До смешного бесполезное знание в комнате, где на тумбочке стоял колокольчик.

Я мог бы назвать десяток причин, по которым человек видит чужую обстановку и слышит себя иначе. Ни одна не объясняла гладкую молодую кожу и отсутствие старого рубца на правой руке.

На стене висело овальное зеркало. Я повернулся настолько, насколько позволяла голова, и встретился взглядом с незнакомцем. Тёмные волосы, впалые после дурной ночи щёки,

небольшой кровоподтёк у виска. Лет двадцать пять — тридцать. Он смотрел на меня с тем же профессиональным недоверием, с каким я смотрел на него.

— Очень смешно, — сказал я.

— Саша, — раздалось у двери. — Если это очередная твоя шутка, сейчас неподходящее время.

Женщина вошла быстро, но у кровати остановилась. На ней было тёмное платье с белым воротником; волосы убраны просто, у виска серебрилась тонкая прядь. Лицо незнакомое. И всё-таки вместе с ним пришло странное узнавание: прохладная ладонь на лбу, запах сухой лаванды, раздражённое «не сейчас» из-за письменного стола. Не воспоминание целиком — несколько обломков, соединённых чувством вины.

Мать, понял я. Его мать.

Следом появилась девушка лет семнадцати, с книгой под мышкой. Она не кинулась меня обнимать. Прислонилась к косяку и стала смотреть так внимательно, что стало неловко.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила женщина.

— Голова болит. Тошнит, когда приподнимаюсь. Долго был без сознания?

Она обменялась взглядом с девушкой.

— Егор привёз тебя около часа назад. Он говорит, ты уже отвечал в дороге, но мы не могли тебя добудиться. Ты зачем поехал один?

Я не знал. Перед глазами мелькнуло коричневое ухо лошади и белая полоса на дороге. Следом — досада, совсем чужая: не хотелось возвращаться в дом, где ждут счета.

— Не помню самого падения.

— А до падения помнишь? — спросила девушка.

— Кое-что.

— Обещание ямщику заплатить тоже куда-нибудь пропало?

— Вера, — сказала мать.

Имя легло на место. Вера. Сестра. Я смотрел на неё и почти помнил, как маленькая девочка бежит по коридору с разбитой куклой. А вчерашнего разговора не было. Не было и человека, который имел право сказать: «Это моя сестра».

— Заплатить нужно, — ответил я. — Я только не знаю сколько.

Вера перестала прижимать книгу к груди.

— У него за апрель не всё выдано. Не только за сегодняшнюю поездку.

Мать поправила на мне одеяло. Слишком тщательно, словно ей требовалось занять руки.

— Сейчас об этом не будем.

— Будем, но после врача, — сказал я. — Он едет?

— За Дмитрием Алексеевичем послали. Никита Фомич уже здесь. Дуня, позови его.

Я ещё раз оглядел комнату. На письменном столе лежала газета, придавленная раскрытым футляром. Попросил подать. Вера протянула её мне, не выпуская из пальцев.

— Ты читать собираешься?

— Дату посмотреть.

В углу стояли буквы, непривычные, но вполне читаемые. Май 1886 года.

— Сегодня какое число?

— Двадцатое, — ответила мать. — Саша, что ты помнишь?

Я отвёл глаза от газеты.

— Достаточно, чтобы понимать, что сейчас не надо вставать.

В одном я мог заверить её без оговорок: вставать сейчас не стоило.

Никита Фомич оказался сухощавым мужчиной с желтоватыми усами и тяжёлой кожаной сумкой. Руки у него были обветренные, ногти коротко обрезаны. Он вошёл с достоинством человека, которого вызвали по делу, но который заранее знает, что его совету не последуют.

— Ну-с, Александр Павлович. Погуляли?

— Судя по всему, неудачно.

— Это как посмотреть. Лошадь домой добралась целая.

У Веры дрогнули губы.

Я позволил ему осмотреть себя. Не подсказывал и не перехватывал инициативу. Он проверил глаза, попросил показать язык, расспросил о боли, осторожно ощупал затылок. Когда велел сжать его пальцы, я сжал ровно настолько, чтобы показать силу, и отпустил.

— Не кружится?

— Лёжа терпимо. При движении хуже. Рвоты не было?

— Был позыв, пока везли, — ответила мать за меня.

— В ближайшие часы нужен покой, — сказал Никита. — И никаких поездок. Вы сами лекарь, Александр Павлович, должны бы знать.

Я посмотрел на него.

— Должен.

Вот это было уже полезнее зеркала. У молодого человека, в которого я непонятно каким образом попал, имелось медицинское образование. Слова «факультет», «экзамен» и «Москва» отозвались не картинками, а смутным облегчением. Не всё вокруг было безнадёжно чужим.

— Вы у меня раньше бывали? — спросил я.

— Разумеется.

— Простите. После падения память как-то… с пропусками.

Никита сел на стул у кровати.

— Вы меня узнаёте?

— Узнаю. А когда виделись последний раз, сказать не могу.

— Сильно приложились, — заключил он, но в голосе уже не было прежней насмешки. — Подождём Дмитрия Алексеевича.

— Вы служили?

— Военным фельдшером. Давно отставлен.

Я кивнул. Службу выдавали и сумка, и манера ставить её так, чтобы ремень не мешал открыть замок.

— До города далеко?

— Двадцать четыре версты. В такую погоду часа три добрым ходом. Доктор может быть на выезде.

Никакого вызова реанимационной бригады. Никакого «через пятнадцать минут будем». Двадцать четыре версты и человек, которого ещё нужно найти.

Я попросил воды и немного еды. Мать заметно успокоилась: у всякого, кто просит бульон, уже есть намерение пожить. Дуня принесла поднос. Вера поставила рядом хлеб и вдруг спросила:

— А меня ты помнишь?

Я не стал делать вид, что ищу ответ.

— Помню, что обидел.

Её лицо закрылось.

— Это очень нетрудно помнить.

Она вышла, унеся газету. Мать проводила её взглядом, затем сказала негромко:

— Когда станет легче, нам придётся поговорить.

Я сидел, опершись на подушки, и смотрел на ложку с потемневшей монограммой. В чужом доме меня ждали не только завтрак и чистая рубашка. Здесь уже были люди, перед которыми я задолжал, не успев произнести ни слова.

После еды я уснул. Или провалился на несколько минут — по свету судить было трудно. Разбудил скрип колеса, совсем близкий, под окном. Потом кто-то закричал:

— Никита Фомич здесь? Скажите, здесь он?

Я открыл глаза. Никита поднялся со стула, на котором, оказывается, всё это время сидел, и пошёл к двери.

— Что там?

— Мужика порезали. На дороге лежит… То есть привезли. Егор с Артемием привезли.

Мать встала у окна. Я увидел, как напряглась её спина.

— Не сюда же, — сказала она. — Во флигель бы.

Никита уже взял сумку. Я спустил ноги с кровати. Пол оказался холодным, лёгкая тошнота немедленно вернулась.

— Александр Павлович, вам лежать, — сказал фельдшер.

— Сначала посмотрим.

— Я посмотрю.

Я был готов согласиться. У меня не было ни сил, ни права мешать человеку, который знает здешние условия. Но из двора донеслось другое:

— Тряпка вся насквозь. Ещё какую, что ли?

Это интонация знакомая. Так говорят рядом с кровью, когда слишком долго ждут того, кто возьмёт на себя решение.

Я надел стоявшие у кровати туфли. Застегнуть манжеты оказалось неожиданно трудно: пальцы знали движение, пуговицы были чужие. Мать сделала шаг навстречу.

— Ты опять собираешься показать характер?

— Собираюсь дойти до двери. Дальше решим.

Она хотела ещё что-то сказать, но отступила. По лестнице я спускался, придерживаясь стены. Молодость обещала многое, однако затылок не давал ни одного обещания без оговорок.

Во дворе стояла телега с толстым слоем сена. Между бортами лежал человек в распахнутой жилетке. Правая рука была завернута в тёмную от крови ткань; край рубахи сбился, открыв серую кожу живота. На виске — ссадина, волосы слиплись. Возчик, коренастый мужчина с круглой бородой, держал ладонь поверх повязки. Рядом молодой работник переминался босыми ногами и смотрел на меня так, будто и я должен был сейчас сказать что-нибудь про полицию.

— Кто нашёл?

— Артемий, — отозвался бородатый. — Я уж на повороте его встретил. Лежал у кустов, руки к себе жмёт. Артемий думал, пьяный.

— Сознание терял?

— То отвечает, то нет.

Я поднялся на телегу. Раненый открыл глаза и попытался отодвинуться. Это было хорошим признаком только в том смысле, что он ещё мог отодвинуться.

— Я врач. Сейчас посмотрю руку. Как вас зовут?

Он шевельнул губами. Слова не вышло.

Никита уже открыл сумку. Я видел, как он оценил пропитавшуюся повязку и как быстро вынул нужное. Опытный. Хорошо.

— Здесь долго лежать нельзя, — сказал я. — Есть внизу комната с хорошим светом?

— Малая столовая, — ответила мать с крыльца. — Но…

— Освободите стол. Чистую воду, таз и полотенца. Дуня, позови ещё одного человека. Не для зрелища, носить придётся.

Никто не двинулся. Они смотрели на Никиту. Так и должно было быть: во дворе распоряжался человек, которого ещё утром привезли с разбитой головой и чьи распоряжения прежде, видимо, ничего хорошего не сулили.

Я положил свою ладонь на руку возчика.

— Вы всё правильно делаете. Пока не убирайте. Никита Фомич, переймите у него, пожалуйста. Я придержу выше. Егор, теперь помогите перенести.

Имя возчика выскочило само. Короткое узнавание — круглая борода, лошадь в воротах, снег на плечах. Я не стал хвататься за него. Мне нужны были руки этого человека сейчас, а не объяснение собственного безумия.

Никита посмотрел на меня уже иначе.

— Вчетвером понесём, — сказал он Артемию. — Бери с той стороны.

Когда больного подняли, ткань на руке сдвинулась. Косой порез пересекал правое предплечье; из глубины снова пошла кровь. Никита прижал повязку, я поддержал кисть. Пальцы были прохладнее здоровых, но не ледяные. Раненый чувствовал прикосновение и слабо шевелил ими.

— Ремень на руке был? — спросил я.

— Был, — ответил Егор. — Тот, кто нашёл, затянул. Я ослабил, когда пальцы совсем побелели.

— Сколько держали?

Он не знал. Я попросил запомнить хотя бы это: точного времени у нас не было.

У меня за плечами осталось достаточно ранений, после которых снаружи виден один порез, а внутри разошлось всё, что должно двигаться вместе. Сейчас нельзя было ни объявлять руку потерянной, ни обещать, что через неделю человек снова возьмёт перо. Сохранившееся кровоснабжение давало нам время разобраться. Продолжающееся кровотечение это время отнимало.

— В столовую, — сказал я. — Никита Фомич, повязку пока держите сами. Егор, не за больную руку. Артемий, идите задом и смотрите под ноги.

Раненый попробовал подняться. Я удержал его за плечо.

— Вы мне сейчас нужны лежащим. Спорить будете после.

Он зажмурился, но послушался. На лице был виден свежий след от ногтя возле виска. Денег с него, судя по тяжёлой цепочке часов, не сняли. Я отметил странность и сразу отложил: выяснять, кто его резал, можно только у живого.

Малая столовая встретила нас запахом вчерашних яблок. Дуня сдвигала посуду на буфет; Вера стягивала со стола скатерть. Мать принесла ключи от шкафа и остановилась у двери.

— Что брать? — спросила она.

— Чистое полотно.

Дуня потянулась к стопке белых салфеток.

— Эти не трогай, — резко сказала мать. — Это праздничные. В нижнем ящике старые полотенца.

Я увидел, что в нижнем ящике лежит: хорошее, но плотное, многократно штопанное. Вспомнил рубашки на спинке своего стула наверху.

— Вера, принеси мои белые рубахи. Те, что в спальне. И ножницы.

— Новые?

— Чистые.

Она посмотрела на мать, потом на мою ладонь, уже красную до запястья, и убежала.

— За бельё рассчитаемся, — сказал я Елизавете Андреевне. Имя пришло так же, как имя возчика: я знал, куда оно относится, и не знал почему. — Мне сейчас нужно ваше разрешение пользоваться этой комнатой до завтра.

— Ты спрашиваешь разрешения?

— Да.

Ответ смутил её сильнее крови. Она прижала ключи к ладони, затем положила их на буфет.

— Пользуйтесь. Горячую воду велю нести с кухни. Только Дуня одна не управится.

— Артемий будет носить. Егор нужен здесь.

Раненый попытался поднять голову. Его взгляд скользнул по моему лицу и остановился. Он узнал меня. Это читалось так отчётливо, что я невольно ждал имени.

— Потом, — сказал я. — Сейчас не говорите.

На скулах проступил пот. Я спросил, нет ли других ран. Он отрицательно качнул головой, но осмотр мы всё равно продолжили. Одежду пришлось разрезать. Никита работал быстро и без суеты; когда я попросил убрать лишних от двери, он даже не оглянулся:

— Егор, слышал? Отойди к окну. Остальные на кухню.

Кровь удалось удержать. Ненадолго — ровно на то, чтобы перестать бороться с каждой новой минутой и начать готовить следующую. Я почувствовал, как подступает слабость, и сел на край стула. Никита заметил.

— Вам самому нехорошо.

— Нехорошо. Дайте минуту.

Он не стал спорить. Вера принесла рубахи, мы с ней столкнулись взглядами, когда она разложила их на свободном краю стола. Пальцы у неё дрожали, но ножницы она держала правильно.

— Не смотри на рану, — сказал я. — Смотри на ткань. Справишься?

— Справлюсь.

— Тогда помоги Никите Фомичу. Что он скажет, то и подавай.

Я снова встал. Голова плыла, пол чуть уходил в сторону, но передо мной лежал человек, которого нельзя было отправить на снимок, перелить, положить под монитор и передать ночной бригаде. Любое действие здесь надо было обеспечивать руками тех, кто находился в комнате.

— Наркоз у вас есть? — спросил я Никиту тихо.

— Есть немного. С собой взял на всякий случай. У Дмитрия Алексеевича ещё будет, если не извёл на выезде.

— Инструмент?

Он развернул свой набор. Я провёл взглядом по тёмной стали и понял, что некоторые привычные движения сегодня не состоятся. Придётся выбирать те, для которых есть и инструмент, и свет, и чужие руки.

За окном ударили в железо — последний раз, и молоток смолк. В комнате стало слышно дыхание раненого.

Никита прикрыл половину набора тканью.

— Погодим доктора?

Кровотечение мы сдержали, но в глубине раны оставались грязь и повреждённые ткани.

— Готовить будем сейчас, — сказал я. — А дальше посмотрим, кто к кому успеет.

Глава 2. До утра

Дмитрий Алексеевич приехал ещё засветло. Я услышал быстрые шаги в прихожей и приготовился к обычному неприятному разговору: кто позволил, по какому праву, где наши бумаги. Но вошедший человек прежде всего поставил сумку подальше от стола и спросил:

— Кровь остановлена?

— Пока да.

Он кивнул, не приняв слово «пока» за нерешительность. Лет сорока с небольшим, рыжеватая борода с проседью, нос обгорел на солнце. Пальто на одном плече было забрызгано грязью. Из кармана торчала записная книжка, перевязанная тесёмкой.

— Дмитрий Алексеевич Серебряков, — представился он. — Мы знакомы, Александр Павлович, но Никита передал, что вы не всё помните. Сначала больного, потом вас.

Мне понравился порядок.

Он вымыл руки и занял место с другой стороны стола. Никита объяснил, как больного нашли и сколько времени ушло на дорогу. Подменять наблюдения уверенностью никто не пытался: точного часа ранения мы не знали. Сам раненый говорил мало, путал вопросы и всё просил оставить при нём жилет.

— Оставим, — сказал Серебряков. — Только уберите из-под головы. Вам сейчас не до пиджаков.

Я коротко изложил то, что успел увидеть. Коллега осмотрел кисть, сравнил её с другой, задержал пальцы на запястье. Мне хотелось поторопить его, но это было бы глупостью. Он приехал не засвидетельствовать мою правоту, а разобраться сам.

— Руку спасать будете? — спросил он.

— Попробуем сохранить то, что жизнеспособно. Главная опасность сейчас глубже края раны.

— А сухожилия?

— Сначала нужно понять повреждение. Сшивать всё подряд здесь я не собираюсь.

Он взглянул на меня поверх плеча больного.

— Хорошо. Я бы также не советовал.

Первый спор окончился, не успев начаться. Я вдруг понял, насколько настроился на встречу с человеком, которого придётся убеждать в очевидном. И как мало оснований у меня было так настраиваться.

Пока Никита готовил своё место, Серебряков отвёл меня к окну.

— Вы бледнее него. Когда упали?

— Утром.

— Рвало?

Я ответил. Он посмотрел глаза, заставил пройти несколько шагов и остановиться с закрытыми веками. Под конец велел сесть.

— Никаких геройств. Рука у вас верная, но голова может распорядиться иначе. Если станет дурно, говорите сразу.

— Скажу.

— Сейчас вы так отвечаете, потому что вам нужно вернуться к столу. Я хочу, чтобы вы и потом так сделали.

Я усмехнулся. Эту интонацию я помнил — только обычно говорил ею сам.

Елизавета Андреевна принесла две лампы. Я попросил не ставить их рядом с местом, где Никита раскладывал принадлежности для наркоза. Она остановилась, держа одну на вытянутой руке.

— Совсем без огня?

— Пока хватает окна. Потом поставим дальше, за стеклом двери. Оконные створки откроем. Прямо здесь огня быть не должно.

Серебряков поддержал меня и объяснил ей короче, чем получилось бы у меня. Мать отнесла лампы и вернулась с узкой скамьёй: на ней можно было сидеть у изголовья, не задевая стол.

— Это подойдёт? — спросила она Никиту.

— Как раз, сударыня.

Постепенно комната перестала быть столовой. Вещи не исчезли, но получили новое назначение. Место на буфете заняли чистые свёртки, таз перенесли ближе к окну, лишние стулья вынесли. Вера завела большую тетрадь. На первой странице вывела дату и посмотрела на меня в ожидании.

— Что писать?

Я объяснил, что нужно отмечать время и наши наблюдения. Обстоятельства ранения — отдельно. Девушка нахмурилась.

— Он ведь имени не сказал.

— Так и напиши: имя пока неизвестно.

— Некрасиво получится.

— Красиво потом перепишем. Сейчас нужно верно.

Она вздохнула с тем знакомым терпением, с каким молодые люди сносят требования старших, и принялась за работу.

Раненый дёрнулся, когда мы осторожно меняли положение руки. Я наклонился к нему.

— Послушайте меня. Нужно очистить и обработать повреждение. Просто перевязать недостаточно. У вас есть ещё какие-нибудь болезни? Припадки, обмороки? Раньше усыпляли для операции?

Он отрицательно повёл головой, потом выговорил:

— Не отдавайте…

— Сейчас мы вас никому не отдаём. Сейчас лечим.

— Жилет…

Я кивнул Вере. Она подняла одежду так, чтобы он видел.

— Жилет здесь. С остальными вещами. Никто не возьмёт.

Это помогло больше, чем мои обещания. Мужчина перестал пытаться приподняться и закрыл глаза.

Наркозом занялся Никита. Он знал своё дело в пределах имевшихся средств, и всё же я несколько раз уточнил, что именно он привык видеть и делать. Не экзаменовал: мне нужно было понять его опыт. В ответ получил два вопроса по состоянию больного и замечание, что я мешаю ему собственным плечом.

Я отступил.

— Вот так лучше, — сказал фельдшер. — Вы там распоряжайтесь, а тут мне оставьте.

Серебряков улыбнулся краем рта.

На столе лежали скальпели, пинцет, иглы, несколько зажимов, шёлк. Часть инструмента кипятили здесь, часть Серебряков привёз подготовленной. Руки пахли мылом и карболовым раствором. Снятое с раны сразу убирали в сторону.

— Отдельно снятое, отдельно то, что подаёте, — сказал я Дуне. — Если уроните, покажите. За это не ругают.

Она кивнула так серьёзно, словно получила государственную должность.

Серебряков занял место напротив. Когда Никита дал знак, что можно начинать, я убрал остаток слипшейся ткани и наконец увидел повреждение целиком. Края пореза выглядели почти прилично. Глубже лежали размозжённая мышца, мелкие сгустки, земля. Лезвие было не единственной причиной этой раны: человека, вероятно, ещё и уронили на руку.

Кровь скрывала дно. Я остановился, попросил переставить нас ближе к окну и дождался, пока удалось осушить поле. Один из маленьких сосудов продолжал кровить. Зажим оказался грубее привычного; я сменил его, не пытаясь заставить неудобную вещь слушаться силой.

— Этот держит лучше, — сказал коллега, подавая свой.

Через минуту стало видно то, чего мы ждали: главная беда была в мышцах и сухожильных волокнах, а не в полном пересечении крупной артерии. Кисть сохраняла кровоснабжение. Ампутация, которой Никита опасался ещё во дворе, сейчас означала бы отнять живое из-за страха перед повреждённым.

— Сохранить можно, — сказал Серебряков негромко.

— Руку — да. С работой кисти не торопимся.

Тонкая полоска ткани уходила в глубину. Я осторожно высвободил её и положил на отдельную салфетку: кусок рукава, набитый в рану при первом падении. Пока он оставался там, самая нарядная повязка только закрывала бы будущий гнойник.

Дальше пришлось решать, сколько убрать. Мёртвое оставлять было нельзя. Живую мышцу, которая ещё могла восстановиться, резать с запасом тоже не следовало. Я менял положение руки, смотрел на цвет, на ответ ткани, на кровоснабжение краёв. Серебряков держал так, что мы не тянули в разные стороны. Его хороший инструмент и моя привычка к тяжёлой загрязнённой ране наконец стали одной работой.

— А здесь сошьёте? — спросил он, показывая повреждённые волокна сухожилия.

— Сейчас надёжного восстановления не получим. Сначала сохраним ткани и дадим ране очищаться. Потом станет видно, что осталось в движении.

Ему не пришлось объяснять опасность тугого закрытия грязной глубокой полости. Мы оставили возможность оттока там, где она требовалась, прикрыли сохранённое и договорились об осторожном положении кисти. Рану предстояло ещё долго лечить.

На последней части меня качнуло. Комната чуть накренилась, и я успел упереться локтем в свободный край стола. Молодые пальцы дрожали мелко, упорно. Затылок напомнил, что утром пациентом был я.

— Дмитрий Алексеевич, закончите вы. Вот здесь не стягивать. И пальцы после повязки ещё раз проверим.

Он принял место сразу. Я сел, выждал, пока пол вернётся в горизонтальное положение, и остался рядом. Коллега не нуждался в моём голосе над каждым движением. У него была верная рука; мне ещё только предстояло узнать, сколько она умеет.

К концу Никита коротко сообщил, что дыхание ровнее. Бледность оставалась тяжёлой, кровопотерю нельзя было отменить остановленным сосудом. Для ночи потребуются тепло, наблюдение и человек, который заметит перемену раньше, чем сосед по комнате.

Вера к тому времени ушла: Никита отправил её поесть, когда она второй раз подала не тот свёрток. Вместо неё у двери стояла Дуня. Девушка держалась, хотя её то и дело заставляли отводить взгляд. Когда мы закончили необходимое, она спросила:

— Теперь можно дышать?

Серебряков поднял голову.

— Вы всё время не дышали?

— Я про него.

— Ему как раз дышать нужно всё время. А вы подайте одеяло.

В коридоре кто-то коротко засмеялся. Оказалось, там всё ещё ждала мать.

Больного перенесли на подготовленную постель в соседней маленькой комнате. Операционный стол снова стал предметом мебели, который требовал мытья, а не любования. На полу осталось несколько тёмных пятен. Мать присела рядом с одним и провела по нему мокрой тряпкой. Я хотел попросить кого-нибудь другого, но она сказала:

— Не мешай. На этом паркете я знаю, как убрать.

Ночь вошла в дом исподволь. Сначала окна сделались синими, потом в них отразилась лампа из коридора. Во дворе перестали ходить. За дальним забором долго лаяла собака, пока чей-то бас не объяснил ей бесполезность служебного рвения.

Мне принесли чашку бульона и два куска хлеба. Пока ел, Серебряков писал заметки. Его почерк был уборист и разборчив; я с неожиданной завистью посмотрел на ровные строки. Если мои руки теперь принадлежали молодому Вельскому, почерк они, судя по всему, хранили лишь отчасти: я попробовал вывести свою фамилию на свободном клочке и получил нечто среднее между двумя людьми.

«Лазарев» я зачеркнул прежде, чем заметил чужой взгляд.

— Что? — спросил я.

— Ничего, — ответил Дмитрий Алексеевич. — Имя больного вспомнили?

— Нет. Привычка писать, когда думаю.

Бумажку убрал в карман. Не хватало ещё оставлять за собой загадки, которые я и сам не сумею объяснить.

Мы вернулись к постели. Наркоз отпускал тяжело, с беспокойством, но больной откликался. Никита сел у изголовья. Я проверил повязку и приготовился остаться рядом до утра.

— Кто после вас? — спросил фельдшер.

— Я пока посижу.

— Я не про сейчас. Весь день на ногах, голову разбили. В три часа вы уснёте сидя, а к четырём решите, что так и задумано.

Я уже хотел возразить — и представил, как усну над больным.

— Как предлагаете?

Никита взглянул на Серебрякова.

Мы составили смены. Для непрерывного наблюдения требовался человек, который понимал, на что смотрит; для воды, белья и помощи при повороте годились и другие. Егор согласился посидеть у двери, пока не сменит Артемий. Матери пришлось оставить кухарку Прасковью Егоровну без помощницы ещё на два часа. Цена каждой нашей удачи проявлялась немедленно: кто-то недоспит, кто-то завтра позже выйдет в поле, кому-то придётся заплатить.

Серебряков пообещал задержаться до утра. У него были свои больные, и я не спросил, почему он может ими пренебречь. Он сам объяснил: фельдшер на участке знает, куда его позвать, а прежние назначения до утра не изменятся.

— Я здесь всё-таки не случайно оказался, — сказал он, застёгивая часы. — Меня вызвали к вам. Одного пациента уступил вам без осмотра, так хоть второго доведу до утра.

Я улыбнулся, а потом снова подумал о дочери.

Мария однажды сказала почти то же: «Ты ко мне приехал или у тебя по дороге кто-то заболел?» Тогда я отшутился. Она тоже засмеялась, но холодильник мы переставляли уже молча. Два года прошло. Больше двух. В этой комнате ещё не родились ни она, ни я, ни мой отец.

Я прижал ладонь к глазам. Мысль об этом невозможно было додумать. Она упиралась в пустоту, через которую нельзя было перейти ни ногами, ни рассуждением.

Из соседней комнаты позвал Никита.

Я встал сразу. Пустота осталась ждать.

К утру больной пришёл в себя настолько, чтобы сердиться. Это давало надежду, но я видел людей, которые сердились и при очень плохом исходе. Он пытался приподнять правую руку и пугался, когда пальцы слушались не так, как прежде.

— Не трогайте пока, — сказал я. — Повреждение серьёзное. Руку мы сохранили, дальше потребуется уход.

— Писать смогу?

— Сейчас рано обещать.

Он закрыл глаза. Под веками дрогнули мышцы.

Я не стал утешать его рассказом о молодых тканях. Тридцать с небольшим лет — не страховка от того, что рука больше никогда не станет прежней.

Вера принесла вчерашнюю тетрадь. Её сменила мать, вошедшая с плоской папкой и старой кожаной сумкой. Положила вещи на пустой стол и некоторое время смотрела на них, не раскрывая.

— Я велела достать из кладовой. Подумала, тебе понадобится.

В сумке оказались принадлежности, несколько тёмных пузырьков, книжка на немецком и стетоскоп. Папка хранила документ с печатями. Я прочёл собственное новое имя: Александр Павлович Вельский. Императорский Московский университет. Звание лекаря. 1883 год.

Подлинность бумаги я оценить не мог, но мать держала её так, как держат вещь, которую однажды спасли от огня.

— Ты хотел выбросить это прошлой зимой, — сказала она. — Говорил, всё без пользы.

— Хорошо, что вы не выбросили.

Она подняла глаза. На мгновение я увидел её совсем без защиты — женщину, которой впервые за долгое время сказали спасибо за то, что она сделала для сына.

— Поешь, — ответила она. — Потом спать. Доктор велел.

Серебряков вертел в руках старый стетоскоп.

— Вы после университета где практиковали?

Я знал несколько ответов, которые прозвучали бы убедительно. Ни один не относился к Александру Вельскому.

— Недолго при клинике. Потом дома. Отец заболел.

Это я говорил, словно ощупывая чужую мебель в темноте. Больной отец, поездка с чемоданом, неприятное ощущение облегчения от того, что можно уйти со службы. Принадлежали эти чувства не мне, а имя на дипломе стояло моё.

— Вчера работали так, будто видели гораздо больше, — сказал Серебряков.

— Может быть, прежде я показывал меньше, чем умел.

Серебряков задержал на мне взгляд и вернулся к стетоскопу. Вопрос он, кажется, отложил.

Вера разбирала снятую с больного одежду. Мы решили перечислить всё при свидетелях: серебряные часы на цепочке, кошель, несколько медных денег, сложенный лист с разбитым краем. Девушка спросила, читать ли его.

— Только то, что нужно для описи, — сказал Серебряков. — Чужие письма оставим хозяину.

— Это счёт. Или часть счёта.

Она прочла название торгового предприятия. Я ничего не узнал. Зато мать, собиравшая чашки, поставила одну мимо блюдца.

Звон оказался неожиданно громким.

— Что такое? — спросил я.

— Ничего. Не выспалась.

Я посмотрел на неё внимательнее, но она уже повернулась к Дуниному подносу.

Серебряков собрался уезжать. Договорился с Никитой о наблюдении, перечислил, в каких случаях нужно послать за ним немедленно. Я проводил его до крыльца, опираясь о перила: после бессонной ночи тело наконец предъявило счёт целиком.

— Вас тоже это касается, — сказал он, садясь в экипаж. — Ещё раз упадёте, я рассержусь. А я сердитый доктор дорогой.

— В каком смысле?

— В прямом. Пока тихий — беру умеренно.

Я засмеялся. Он тронул шляпу и уехал.

Наверх я не пошёл. Решил сперва проверить больного. Он лежал с открытыми глазами и, увидев меня, здоровой рукой потянулся к краю одеяла.

— Вельский? — выговорил он.

— Да.

— Александр Павлович?

— Да. Вы меня знаете?

Он несколько раз сглотнул. Потом посмотрел на дверь.

— Фёдор Климов. Я к вам шёл.

Мне пришлось наклониться ближе.

— Поговорим, когда отдохнёте.

— Нет. Вы только… Не отдавайте меня Крестовскому.

Фамилия ничего мне не сказала. Но больной ждал ответа с таким страхом, что я перестал уговаривать его поспать.

— Без вашего согласия никому не отдам, — сказал я.

Он отпустил одеяло. А я понял, что ещё один разговор с матерью теперь нельзя откладывать надолго.

Глава 3. Человек с распиской

Проснулся я от того, что кто-то осторожно открывал окно.

На этот раз потолок меня не удивил. Это было неприятнее первого испуга: чужая жизнь начинала принимать меня без всяких объяснений. Дуня, заметив, что я смотрю, спросила, не закрыть ли обратно.

— Оставь. Давно сплю?

— Со вчерашнего полудня. Просыпались вечером, поели и опять заснули. Никита Фомич велел не будить.

Я помнил еду, а вот самого фельдшера — нет. На стуле лежала свежая одежда, на тумбочке стоял стакан. Всё приготовили без меня. Я сел, выждал. Голова побаливала, но комната оставалась на месте.

— Как больной?

— Ночью воды просил. Никита Фомич говорит, получше. А вы опять к нему?

В вопросе звучало то ли удивление, то ли предупреждение. Я спустил ноги с кровати.

— Сначала умоюсь.

— Тогда я горячей принесу.

Пока ждал, рассмотрел комнату внимательнее. Книги под стеклом, на обоях светлый прямоугольник от снятой картины, в углу трость с серебряным набалдашником. На письменном столе — неотправленное письмо. Оно начиналось словами «Милый Миша» и кончалось на половине строки, где Александр сообщал о непременно предстоящей поездке.

Отправлять это письмо я не собирался. Для начала следовало узнать, кому я обещал приехать и почему не приехал раньше.

Внизу нашёл Никиту. Он ел кашу в кухонном закутке с таким сосредоточенным видом, будто от количества ложек зависел прогноз больного.

— Вы не уходили? — спросил я.

— На ночь домой отлучался. Артемий вечером отвёз, утром привёз обратно.

— Заплатить вам надо.

Он положил ложку.

— Надо.

Я оценил отсутствие привычного «что вы, помилуйте». Достал кошелёк, найденный в кармане сюртука, и замешкался над незнакомыми деньгами. Никита деликатно отвернулся к окну.

— У нас дома теперь Вера считает, — сказал он.

— Похоже, умнее всех.

— Она и раньше считала. Просто вы не слушали.

Хорошее утро. Я ещё не успел позавтракать, а уже получил полезное сведение о собственном характере.

Климова устроили в бывшей гостевой комнате первого этажа, рядом с малой столовой: так не приходилось носить воду через весь дом. На стуле у постели лежали описанные вещи, лист со счётом — под чистым блюдцем. Вера сочла это надёжнее пресс-папье: сразу видно, если бумагу передвинут.

Фёдор Семёнович посмотрел на меня с явным облегчением. За ночь лицо чуть ожило, зато страх стал заметнее. Когда человеку очень плохо, он редко думает о будущем дальше ближайшего вдоха. Теперь будущее начало к нему возвращаться.

— Болит? — спросил я.

Он кивнул.

— Терпимо или не даёт лежать?

— Терпимо. Только пальцы будто чужие.

— На восстановление нужно время. Часть повреждений серьёзная. Пока будем смотреть, как заживает.

Мы осмотрели руку. Повязка не давала повода для немедленной тревоги; кисть сохраняла тепло, но сила и чувствительность требовали дальнейшего наблюдения. Я велел записать то, что мужчина мог различить и выполнить, и лишь потом сел у постели.

— Теперь о другом. Вы говорили, что шли ко мне.

Климов потянулся к жилету. Никита передал его, и Фёдор здоровой рукой проверил карман.

— Я у торгового дома служу. Счета веду, при товарах состою. Крестовский меня знает.

— А я вас?

— Видались.

— Простите, после падения многое путаю. Напомните.

Он глянул на мой висок и, кажется, поверил. Либо решил, что мне удобна такая забывчивость.

— Прошлой осенью. Бельё сюда привозили. В ваш амбар.

За его словами ничего не появилось. Только слабое неприятное чувство, как перед открытием шкафа, куда однажды свалил несделанную работу.

— Кто на вас напал?

— Не знаю. Двое. Денег хотели.

— Кошель при вас остался.

Климов опустил взгляд на одеяло.

— Не успели.

Я не стал добиваться большего. Слишком старательно он смотрел мимо меня, но лгать после ранения человек мог по десятку причин. Различать их следовало не щипцами.

— О случившемся нужно уведомить полицию. Сообщите, что помните. Никита Фомич опишет, в каком состоянии вас привезли. Ничего лишнего за вас говорить не будем.

— Меня заберут?

— Для поездки вы пока слабы. Об этом я скажу. Но здесь больной, а не арестованный. Дверь запирать не станем.

Он помолчал.

— Я покуда полежу.

— Разумно.

Фёдор посмотрел на меня внимательнее.

— Вы и вправду не помните?

Я не ответил сразу. За дверью позвали Дуню, звякнула посуда. Дом жил вокруг нас, пока мы примеряли друг к другу полуправду.

— Я помню меньше, чем хотелось бы. Но понимать могу. Поэтому объясняйте так, чтобы я понял.

Никита принёс чистую страницу. Мы записали имя, занятия, место, где его нашли. Слова Фёдора об ограблении оставили словами Фёдора. Мне слишком часто приходилось видеть, как одна уверенная медицинская запись превращается в чужое удобное доказательство.

Егор отвёз уведомление вместе с человеком, которого мать посылала за хозяйственными покупками. На дорогу, ожидание и разговор уйдёт день.

После завтрака я наконец узнал фамилию семьи от матери, а не по печати: Вельские. Берёзовый Ключ, Ряжский уезд, Рязанская губерния. Мать говорила медленно и старалась скрыть, насколько её пугает необходимость объяснять это взрослому сыну.

— Сколько мне лет? — спросил я.

Она положила ложку.

— Двадцать семь, Саша. В феврале было.

Вера, сидевшая напротив, посмотрела на меня поверх чашки.

— Если хочешь начать жизнь заново, можно не притворяться младенцем.

— Младенцу здесь было бы проще. Его хотя бы не спрашивали бы про счета.

Она хотела улыбнуться, но удержалась.

Мать потребовала, чтобы после завтрака я отдыхал. Я обещал хотя бы не ездить верхом. Это оказалось первой уступкой, которую домашние приняли с полным удовлетворением.

Крестовский приехал на следующий день, перед обедом. Я в это время пробовал писать: выводил новое имя, привыкая к чужой подписи. Одни буквы получались легко, другие ломались в середине. На столе лежал диплом; его я убрал прежде, чем открылась дверь.

Елизавета Андреевна вошла сама.

— Лев Михайлович хотел бы видеть тебя. И того человека. Говорит, узнал только сегодня.

Её голос звучал ровно, но она стояла слишком прямо.

— Он лечащий врач этого человека?

— Он его хозяин. То есть… Фёдор у него служит.

— Тогда сначала со мной. Я сейчас спущусь.

У крыльца стояла хорошая закрытая карета. Возница сидел неподвижно, глядя поверх лошадей. Приехавший мужчина ожидал в гостиной; шляпу держал в руках, перчатки аккуратно сложил на коленях. Лицо широкое, ухоженное, с тяжёлыми веками. Он поднялся быстро и пожал мне руку как давнему знакомому.

— Александр Павлович! Вот уж порадовали. Узнал про несчастье — и сразу сюда. С вами-то как?

— Уже лучше. Благодарю.

— Смотрю, вы и к делу вернулись. Правильно. Молодому человеку праздность вреднее любой службы.

Он говорил приветливо, почти по-родственному. Похвалил цветущую сирень, спросил Веру о чтении, вспомнил, как покойный Павел Васильевич однажды загнал всех гостей на рыбалку под дождём. Мать слушала и даже улыбнулась. Я видел, что Крестовский умеет быть приятным не напоказ. Таким людям удобно доверять.

— Я, собственно, за Климовым, — сказал он после чая. — Карету прислал бы, но подумал, лучше сам. В городе и помещение спокойнее найдётся, и присмотр устроим. Зачем вам лишние хлопоты?

— Перевозка сейчас нежелательна.

— Серьёзно пострадал?

— Серьёзно.

— Бедняга. Всё в толк не возьму, зачем он пешком пустился. У нас лошадь нашлась бы. Может, позволите навестить?

Я провёл его к больному. Никита встал от стула, поздоровался и остался у окна. Крестовский увидел повязку, покачал головой.

— Ну что же ты, Фёдор. Наделал переполоха.

Климов смотрел на него молча.

— Заберу тебя, устроим как следует. Александр Павлович человек добрый, но здесь всё-таки дом. Семью стеснять нехорошо.

— Я пока здесь, — сказал Климов.

— Разумеется, не эту минуту. Доктор разрешит — тогда и поедем.

— Я не хочу ехать.

В комнате стало слышно, как снаружи провели граблями по гравию. Лев Михайлович поправил перчатки.

— Неужели думаешь, что о тебе не позаботятся?

— Я здесь полежу.

— После несчастья человек всегда возбуждён, — сказал Крестовский уже мне. — Сам не понимает, что говорит. Нужно просто подготовить его к дороге.

— Он понимает вопрос и ответил. Мы можем обсудить перевозку позже, если он изменит решение.

— Вы считаете, в городе ему хуже будет?

— Я считаю, что ему сейчас лучше не трястись несколько часов в карете. И против его желания я его не повезу.

Крестовский посмотрел на фельдшера. Никита выдержал взгляд спокойно.

— Плохо дорогу перенесёт, — сказал он. — Тут Александр Павлович прав.

Гость повернулся к Климову.

— Хорошо. Отдыхай. О работе не думай, разберёмся.

Фёдор закрыл глаза. Крестовский задержался у двери, будто хотел что-то добавить, но вышел вслед за мной.

В кабинете, куда мы перешли, он сразу перестал говорить о сирени.

— Александр Павлович, вы со мной держитесь как чужой. А у нас немало общих дел.

— Напомните, пожалуйста.

Он посмотрел на мой висок с явным интересом.

— Мне сказали, вы память потеряли. Признаюсь, не поверил.

— Часть недавнего помню плохо.

— Долги, надеюсь, помните?

Я молча сел. Он сел напротив и вынул из внутреннего кармана плоский конверт. Подал мне лист.

В копии значились торговый дом «Ковалёв и К°», Ряжская уездная земская управа и четыреста комплектов больничного белья, принятых на промежуточный склад прошлой осенью. Заказ предназначался земской больнице. Внизу стояла подпись Александра Вельского.

Моя подпись.

Я не узнал её по графическому рисунку. Узнал движение — лёгкий вылет последней буквы, привычку нажимать сильнее у росчерка. И в ту же минуту увидел короткую картину. Амбарная дверь, холодный воздух, чернильница на узком столике. Кто-то говорит, что считать уже считали, можно не задерживать людей. Молодой мужчина торопится в дом, где ждут обед и бутылка. Подписывает. Не смотрит на тюки.

Картина пропала. Я остался с бумагой в руках и тяжёлой уверенностью: подпись не подделывали.

— Знакомо? — спросил Крестовский.

— Вспомнил, что подписывал.

— Вот и отлично. Вы помогали с хранением товаров. За амбар вам платили. Всё пристойно и вполне законно. Но Фёдор человек ненадёжный, может приняться рассуждать. Ему сейчас страшно. Страх кого угодно заставит наговорить лишнего.

— О чём рассуждать?

— О торговле. О чужих счетах, в которых он не всё понимает.

— Он ведь счета ведёт.

Крестовский чуть улыбнулся.

— Бумагу переписать — не значит предприятие понимать. Я предлагаю вам не втягиваться. Человек поправится, мы с ним поговорим, установим, что произошло. К чему семейному делу посторонние слухи?

— Вы уже знаете, что произошло?

— Знаю, что ограбления бывают. И что больному нужен покой.

Он коснулся копии.

— Оставьте у себя. Может, поможет памяти. И ещё: первого октября у нас срок. Шесть тысяч. Я всегда шёл вам навстречу, Павла Васильевича уважал. Надеюсь, и дальше сумеем понимать друг друга.

Сказано было без угрозы. Просто два обстоятельства положили рядом: раненый человек и шесть тысяч рублей. Соединять их мне предлагалось самостоятельно.

— По сроку разговаривать будем отдельно, — сказал я. — Больного пока оставьте в покое.

Лев Михайлович встал.

— Как угодно. Я только не хотел, чтобы вы сами себе осложнили жизнь.

Я проводил его до крыльца. Он тепло попрощался с матерью, поцеловал ей руку и попросил послать за ним, если что-нибудь понадобится. Карета двинулась, гравий зашуршал под колёсами. Мать смотрела ей вслед так, будто провожала последние деньги.

— Пойдёмте в кабинет, — сказал я.

Она покачала головой.

— Лучше ко мне. У тебя опять беспорядок.

В её кабинете беспорядка не было. Папки лежали по размеру, над столом висел портрет покойного мужа, а у окна стояло шитьё. Елизавета Андреевна открыла ящик, вынула счётную книгу и положила передо мной.

— Спрашивай.

Я спросил про шесть тысяч. Потом про землю, дом, прошлогодние поступления. Не сразу понял всё: деньги делились по непривычным статьям, часть расходов покрывалась натурой, часть приходилась не на наши деньги, а на ожидаемые. Мать терпеливо поясняла. Иногда умолкала на середине, если речь заходила о расходах Александра.

Двести семьдесят десятин принадлежали мне. Дом с парком и тридцатью приусадебными десятинами — ей. Земля служила обеспечением долга, возникшего не вчера и не из-за одного карточного вечера. Старые обязательства, хозяйственные неудачи, новый заём, которым заткнули дыру. К октябрю следовало вернуть всю оговорённую сумму.

— Дом он не заберёт? — спросил я.

— По этой закладной нет. Но на что мы будем его содержать без земли? Чем платить людям? Ты думаешь, всё, что стоит за окном, кормит само себя?

Я посмотрел на книгу. Именно так прежний Александр, кажется, и думал.

— У Веры есть деньги, — сказала мать вдруг, словно проверяя меня. — Отдельные. Шестьсот рублей. Не твои.

— Значит, не обсуждаем.

Она медленно сложила руки.

— Ты раньше говорил иначе.

— Теперь говорю так.

— На этом всё не кончится. Ты лечишь одного человека, и все уже приносят сюда свои беды. А я должна знать, чем мы заплатим, если ты завтра откроешь двери всем.

Я хотел сказать, что никто не собирается открывать двери всем, но за окном в ту минуту кто-то спросил у Дуни, дома ли молодой доктор. Мать слышала это не хуже меня.

— Пока только необходимое, — ответил я. — О большем договоримся до того, как начнём.

— Я тебе поверю, когда ты сначала спросишь, а потом сделаешь.

Она говорила с сыном, которому двадцать семь. Я слушал женщину моложе себя на семь лет и не находил в этом ничего смешного.

В коридоре ждала Вера. Увидев счётную книгу у меня в руках, напряглась.

— Мои шестьсот?

— При тебе останутся.

— Даже если очень понадобится?

— Даже тогда.

Она не поблагодарила. Только отодвинулась, давая пройти. Но вечером сама принесла мне чистую тетрадь.

К Климову я зашёл после перевязки. Он ждал вопроса о Крестовском, однако я сперва спросил о боли и еде. Когда закончили с этим, положил на стул копию акта.

— Здесь четыреста. Что не так?

Фёдор долго разглядывал край бумаги.

— Сто шестьдесят привезли.

— Вы считали?

— Я записи сводил.

— А почему здесь четыреста?

— А вы почему подписали?

Мы посмотрели друг на друга. В его голосе впервые появилась не просьба, а упрямство.

— Хороший вопрос, — сказал я. — Поэтому будем смотреть настоящие бумаги.

— Вы же потом знали.

Я почувствовал, как внутри что-то холодеет.

— Что знал?

— Что меньше пришло. Вам говорили. Не я один.

Той картины у амбара было недостаточно. Я не помнил ни дальнейших разговоров, ни причин молчания. И не мог предъявить отсутствующую память в качестве невиновности.

— Вы пришли ко мне, потому что подпись моя?

— Потому что вам тоже отвечать. Вдвоём проще было бы…

Он не договорил. Я уже понял, зачем шёл этот человек: не искать доброго лекаря, а найти того, кто побоится выдать его вместе с собой.

Я убрал копию в конверт. На отдельном листе поставил дату, перечислил, что увидел сам и что услышал от Фёдора. Печать нашлась в ящике; обращаться с ней я умел так же непонятно, как с росчерком новой подписи. Запись приложил к копии.

— Отдыхайте, — сказал я.

— Вы меня всё-таки не отдадите?

— Насильно — нет. Но врать за вас не буду.

Климов отвернулся к стене. Я вышел, закрыв дверь без ключа.

Вера сидела у лампы и правила перо. На раскрытой странице моей тетради она вывела аккуратное: «Известное». Ниже оставила место.

— Подойдёт? — спросила она.

Я сел напротив.

— Очень.

Передо мной были имя, долг и настоящий росчерк. Я раскрыл тетрадь. Начинать следовало с того, что мы могли проверить.

Глава 4. Четыре места

У флигеля был свой ключ, и мать не собиралась выпускать его из рук.

Она открыла дверь, пропустила нас с Никитой и вошла последней. Внутри пахло известкой, мышами и сушёной мятой. На подоконнике лежали две мёртвые мухи, под стеной стоял накрытый мешковиной шкаф. Комната была просторная, с двумя окнами на сад. Я сразу представил четыре кровати и свободный проход между ними.

— Здесь зимой холоднее, — сказала мать, прежде чем я успел обрадоваться. — Печь давно не перекладывали. В задней комнате потолок промокал. И сюда нужно будет носить дрова.

Никита посмотрел на печь, потом на меня.

— Кроватей-то наставить можно.

— Я ещё ничего не поставил.

— Вот пока и хорошо.

Мы обошли комнаты. Ту, которую я сперва выбрал для осмотров, забраковали из-за узкого прохода: двоим с носилками не разойтись. В самой красивой комнате оказалось меньше всего пользы. Окна смотрели на север, печь грела плохо, зато уцелела лепная розетка на потолке. Я вздохнул и предложил оставить там шкафы.

Мать впервые улыбнулась.

— Твой отец называл её кабинетом. Работал, правда, в столовой.

В задней части нашлось отдельное помещение с выходом во двор. Отсюда можно было уносить использованное бельё, не проходя мимо постелей. С кухни пришлось бы ходить далеко, но возле стены имелся навес — там можно было устроить часть хозяйственной работы, не превращая палату в прачечную.

Я попросил принести бумагу и карандаш. Вера явилась сама, с тетрадью и линейкой.

— Меня считать позвали или помогать?

— Для начала нарисовать.

— Тогда считаю потом.

Она обмеряла комнаты шагами, после чего отняла у меня карандаш: мои линии не внушали ей доверия. Мы разложили план на ящике. Никита поставил на него кружку, обозначавшую печь, мать тут же переставила кружку в правильное место.

— Здесь поленья будут, — сказал фельдшер. — А у вас будто больной по дровам к кровати идёт.

Я убрал одну из четырёх нарисованных кроватей.

— Тогда пока три.

— Можно и четыре, — сказала мать. — Если вынести шкаф. Ты же только что решил, что в соседней ему место.

Карандашный план наконец стал походить на помещение, в котором можно жить. Я поднял голову.

— Елизавета Андреевна, что вы разрешаете нам делать сейчас?

Она постучала ключом по ящику.

— Очистить, побелить после просушки и починить то, что потребуется в любом случае. О постоянном пользовании договоримся отдельно. Открывать больницу без бумаг я тебе не позволю.

— Я и не прошу.

— Пока не просишь.

Вера записала это с явным удовольствием.

— Что ты там пишешь?

— Что пока разрешено. Ты ведь забудешь, а нам потом спорить.

К полудню приехал Серебряков. Осмотрел Климова, согласовал с Никитой перевязки и прошёл с нами во флигель. Я разложил перед ним два листа: помещения и люди. Без второго первый почти ничего не стоил.

— Здесь четыре постели, — сказал я. — Пока тяжёлых не больше двух. Для ночи нужна смена, для хозяйства — отдельные руки. Никита Фомич один эту работу не вывезет, даже если я переберусь сюда жить.

— Правильно. Только сестру хорошую ещё найдите.

— Потому и спрашиваю вас. И двоих помощниц нужно готовить, прежде чем пойдут лежачие.

Он придвинул рисунок.

— Сестру, возможно, предложу. Теперь о бумагах. Приходящих вы можете смотреть как практикующий лекарь. Постоянные постели — уже лечебное заведение. Врачебное отделение губернского правления рассмотрит план и условия; разрешение испрашивается через губернатора в установленном порядке. Я подскажу, что приложить, но сам вам лечебницу не открою.

Мы перечислили нужное: сведения о дипломе, назначении комнат, владельце помещения, числе мест, содержании и надзоре за больными. Мать попросила отдельный экземпляр для себя. Я согласился прежде, чем она приготовилась защищать собственный флигель ещё раз.

— И кого сюда будете класть? — спросил Серебряков.

— Хирургические случаи, с которыми справимся и после вмешательства. Подозрительных на заразную болезнь отдельно решать с вами. Родильного отделения из четырёх кроватей не получится. Мне нужны ваши направления и возможность послать дальше то, что здесь опасно держать.

Он помолчал, рассматривая вторую комнату.

— Мне самому иногда отправлять некуда. Дорога плохая, подвод нет, люди не хотят ехать.

— Знаю. Поэтому сначала скажем друг другу, что можем, а уже потом — больным.

Серебряков впервые посмотрел на план как на возможную помощь собственному участку. Показал, где лучше оставить проход для носилок, и спросил у матери о зимнем отоплении. Я слушал: о здешней зиме она знала несравненно больше нас обоих.

Пока мы составляли заявление, к дому пришла женщина с маленьким сыном. У мальчика опух палец. Никита распознал занозу, но мать ребёнка просила именно барина. Я вышел, осмотрел руку и оставил работу фельдшеру.

— Никита Фомич это сделает лучше, чем я здесь, на ступеньках.

Женщина явно усомнилась, ради чего шла. Пришлось объяснить ещё раз, спокойнее. Через несколько минут мальчик вышел с перевязанным пальцем и остановился перед Верой, доедавшей яблоко.

— Мне тоже доктор велел? — спросил он, глядя на фрукт.

— Доктор не успел, — ответила она и принесла ему другое.

Серебряков наблюдал это из окна.

— Пойдёт молва, — сказал он. — Хотите вы того или нет. Потому и торопитесь с порядком, а не с вывеской.

Вечером Вера устроила нам первый настоящий денежный разбор.

Она принесла деревянную коробку, в которой хранилась наличность, и высыпала на стол мелочь. Бумажные деньги расправила отдельно. Затем заставила мать назвать, что уже обещано работникам, что относится к ожидаемым поступлениям и чего нельзя трогать, даже если оно лежит в общей коробке.

У нас оказалось сто восемьдесят пять свободных рублей. Если не считать их дважды. Вере пришлось повторить последнее условие мне и матери по очереди.

— Ты написала и дрова, и плату за колку, — заметил я.

— Дрова сами не расколются.

— Верно. А эти две суммы?

— Одну ты уже обещал Егору. Другую ещё должен.

Я посмотрел на мать.

— Почему ему не заплатили раньше?

Она выдержала паузу.

— Потому что деньги ушли на твой костюм и поездку.

Возражение не нашлось. Я передвинул строку с жалованьем выше покупки инструментов.

Инструмент я разделил на то, без чего нельзя начинать, и то, что придётся докупать с заработка. Во втором списке осталось больше, чем хотелось. Вера сравнила оба и посмотрела на меня почти с жалостью.

— Ты ещё дом не купил рядом. Чтобы это хранить.

— Для начала хватит вот этого, — сказал я, придвигая первый лист. — На перевязках экономить нельзя. И если придётся выбирать между лишним зажимом и украшением рукоятки, берём зажим.

Вера зачеркнула украшение, которого я и не писал. Мы оба сделали вид, что так и требовалось.

Никита одобрил не всё. Один пункт вернул сам.

— Без этого неудобно будет. Возьмём попроще, но нужен.

— А где продают?

Он назвал городского аптекаря и человека, который принимал заказы через московскую фирму. Серебряков знал ещё один путь. Значит, весь наш будущий труд не зависел от одного прилавка. Уже польза.

— Экипаж продадим, — сказал я.

Мать не поняла сразу.

— Который?

— Прогулочный. И пару лошадей к нему, если хозяйству они не нужны.

— Ты на нём ездил к соседям.

— Значит, соседи отдохнут.

Вера фыркнула, прикрыв лицо ладонью. Мать не улыбнулась. Она развернула тетрадь к себе, посмотрела на итог и только тогда сказала:

— Нужно спросить Егора. Из-за твоего решения нельзя оставить работы без тяги.

Егор пришёл с конюшенного двора, вытирая руки о старый фартук. Оказалось, одну лошадь он уже давно предлагал продать. Другая была хороша, но требовала содержания, которого мы не могли оправдать двумя выездами в месяц. Рабочие лошади оставались, обыкновенная повозка тоже. Я не лишал нас транспорта — продавал удобство, которым толком и не пользовался.

— Жаль вороную, — сказал Егор после паузы. — Но если вместе с экипажем, цену лучше дадут.

— Сколько?

Он назвал ожидаемую сумму. Вера немедленно записала с пометкой «не получено». Я уже успел мысленно потратить эти деньги, и её пометка пришлась очень кстати.

Покупатель нашёлся через знакомого матери. Приехал на другой день с человеком, который понимал в лошадях больше, чем в светской беседе. Они обходили экипаж, стучали по колесу, осматривали упряжь. За каждую царапину с цены снималось столько, словно царапину следовало лечить отдельным доктором.

Я попробовал торговаться и через пять минут понял, что мешаю. Мать отодвинула меня за локоть.

— Саша, ты бы посмотрел, не зовут ли тебя.

Никто не звал. Но я пошёл к Климову, предоставив настоящее дело специалисту.

Фёдор спросил, куда уводят лошадей. С улицы доносились голоса.

— Продаём.

— Из-за меня?

— Не берите на себя столько. Вы ещё первой рубахи не оплатили.

Он заметно смутился. Я не собирался предъявлять ему сейчас счёт, но бесплатный жилец, который считал себя единственной причиной наших бед, тоже был бы тяжёлым приобретением.

— Поправитесь, тогда обсудим, что сможете, — добавил я. — Пока держите руку, как Никита показал.

Фёдор некоторое время смотрел на меня.

— Вы бы с Михайлой Егоровичем поговорили, — сказал он наконец. — Что к вам раньше ездил. Он бумаги умеет.

— Ракитин?

Имя всплыло со стола наверху. Милый Миша, неотправленное письмо.

Климов кивнул.

— Он один раз приезжал, когда товар принимали. Не в тот день, другой. Спросил, куда столько тюков. Я его запомнил.

В этом доме все знали больше меня. Даже человек, который лежал в чужой постели и скрывал половину своей истории.

К вечеру деньги принесли. Триста девяносто рублей — за экипаж, лошадей и часть упряжи. Вера пересчитала их дважды. Потом позволила пересчитать мне, и оказалось, что арифметика ей не изменила.

Мать ушла к окну. Со двора как раз выезжала проданная пара. Она смотрела, пока ворота не закрылись, затем вернулась за стол.

— Отца экипаж был, — сказала она.

Я не знал, что ответить. Для меня уходили вещи; для неё — часть жизни, когда семья могла позволить себе ненужное.

— Я не буду говорить, что потом купим лучше, — сказал я.

Она посмотрела на меня с усталой благодарностью.

— И не говори.

Часть денег сразу разошлась по обязательным платежам. Егору мать выдала долг при мне. Он снял шапку, пересчитал деньги и убрал во внутренний карман. Вера зачеркнула строку. Одно маленькое дело в новой жизни наконец было закончено.

Остальное лежало на столе, такое скромное на вид, что я на минуту ощутил растерянность. Из этих бумажек должны были получиться инструменты, чистые стены, лекарства, жалованье. В прежней больнице закупки значились в документах, которые меня раздражали. Здесь каждый пузырёк придётся сначала превратить из лошади.

Ночью я написал Ракитину.

Начал официально, вычеркнул, взял новый лист. Не годилось обращаться к старому другу как к губернскому учреждению, даже если старый друг пока оставался для меня именем. Я сообщал о падении и провалах памяти ровно столько, сколько требовалось для объяснения непривычного письма. Потом изложил известные факты: раненый, копия складского акта, подпись, заявление об ограблении и сомнения в количестве принятого белья. Попросил приехать. Предупредил, что подпись, по-видимому, настоящая.

Утром письмо с планом флигеля и заявлением отправили во врачебное отделение, другое — Ракитину. Заказ материалов послали отдельно, через Серебрякова.

Серебряков приехал за заказом сам. Мы постояли у флигеля, где работники выносили сломанные полки. Вера руководила ими осторожно и чрезвычайно серьёзно. Никита примерял, где поставить стол, и ворчал, что все красивые планы неизбежно портят живые люди.

— Есть одна сестра, — сказал Дмитрий Алексеевич. — В Рязани сейчас. Озерова Анна Михайловна. Служила в госпиталях, рекомендации хорошие. Работу ищет постоянную.

— Что умеет?

— Уход, порядок, ночные смены. Умеет заметить, что доктор устал, прежде самого доктора.

— Полезное умение.

— С характером. В одном доме уже не сошлись: там хотели сестру милосердия, гувернантку и бессловесную прислугу за одну плату. Озерова сказала, что собаку в этих условиях лечить согласна, хозяев — нет.

— Напишите ей.

— Напишу. Только не обещайте того, на что средств нет.

Я позвал Веру и попросил показать расчёт. Серебряков просмотрел страницу и впервые за эти дни не нашёл немедленного возражения.

— Что ж, — сказал он. — Уже похоже на намерение.

Во флигеле с грохотом уронили старый шкаф. Никита выглянул из двери и сообщил, что теперь прохода хватит даже для двух особенно толстых больных. Мать велела ему не радоваться раньше времени: за разбитую ножку придётся отвечать.

Я смотрел, как они спорят над пустыми комнатами. Четыре места существовали пока на бумаге, но у бумаги уже появились люди, которым было небезразлично, что получится.

Глава 5. Старшая сестра

Анна Михайловна приехала с небольшим сундуком и сама остановила Артемия, когда тот попытался взяться за его крышку.

— За ручки, пожалуйста. Крышка не выдержит.

Артемий перехватил сундук. Он всегда начинал с ближайшего, а уж потом выяснял, удобно ли это.

Я встретил её у крыльца. Серебряков передал, что она согласна посмотреть на наше предприятие; слово «посмотреть» он подчеркнул. Мне же, признаться, хотелось сразу услышать согласие. Пока будущая лечебница существовала как набор вещей, её можно было откладывать. С приездом человека начинались обязательства.

Анна оказалась примерно моего нового возраста. Русые волосы собраны без затей, лицо загорелое, на переносице светлая полоска от привычно сидевшего головного убора. Смотрела прямо, но не вызывающе. В руке держала плоскую сумку, на рукаве темнел след дорожной пыли.

— Александр Павлович?

— Да. Рад, что добрались. Дорога не очень утомила?

— После железной дороги здешняя повозка показалась весьма убедительной. Если я вечером буду говорить резко, прошу сперва предложить мне сесть.

Она улыбнулась, и серьёзность первого впечатления слегка отступила.

Мать приняла её в гостиной, успев разглядеть сундук, одежду и крепкую обувь. Анна вынула рекомендации, удостоверение о подготовке и несколько писем. Я попросил оставить их до приезда Серебрякова: он лучше разбирался в таких бумагах. Она согласилась.

— Училась в Петербурге, при общине. В госпиталях работала в последнюю турецкую войну. После — уход в частных домах, в Рязани помогала при больнице. Врача собой не заменю. Если вам нужно именно это, лучше сказать сразу.

— Нужна сестра, способная держать уход. Больных пока мало, мест постоянных ещё нет. Четыре просим разрешить.

— Кто ночью?

Я показал ей лист с предполагаемыми сменами. Анна придвинула его и сразу спросила, далеко ли живёт Никита. Для ночного вызова разница между соседней комнатой и деревней в трёх верстах была существенна.

Мы прошли во флигель. Анна не стала восхищаться светлыми окнами. Открыла дверь в хозяйственную часть, спросила, откуда носят воду, кто стирает, кто отвечает за еду. Увидев удобную скамью у стены, попросила её пока оставить.

— К больным придут родные. Если не будет где сесть, они сядут на постели.

— Скамью оставим. А проход за ней свободный, — сказал я. Анна передвинула её на полшага и проверила, где сядут двое.

У четырёх нарисованных мест она задержалась надолго.

— Какие люди будут лежать?

— В основном после небольших и средних вмешательств, повреждений. Сложные случаи с Дмитрием Алексеевичем будем решать отдельно.

— Вы лежачих считаете по кроватям, а я по сменам. Четверо ходячих и двое совсем беспомощных — совсем разная работа.

Никита, до этого молча наблюдавший, хмыкнул.

— А уж если один особенно разговорчивый, то и за троих сойдёт.

— Для разговора можно попросить родственника. Для ухода не всякого попросишь.

Никита усмехнулся. Анна спокойно ждала следующего вопроса.

За расчётами мы просидели больше часа. Определили плату, содержание, комнату и то, что работу при усадьбе нельзя незаметно расширить до обслуживания всего семейства. Анна спросила прямо:

— Прибирать жилые комнаты мне понадобится?

Мать застыла.

— Для этого у нас есть Дуня.

— Благодарю. Я спрашиваю после прежнего места. Там нашлись ещё трое детей, две тётушки и собаке требовалось лекарство.

— Собаку, если что, я посмотрю сам, — сказал я.

— Тогда вы меня поняли.

Она не смеялась. Я тоже перестал.

Условились о первом месяце работы, после которого обе стороны смогут решить, что делать дальше. По нуждам тяжёлых больных Анна должна была иметь возможность разбудить меня без разрешения хозяйки, отослать утомлённую помощницу и требовать необходимого для ухода. Если распоряжение казалось ей непонятным или опасным, вопрос следовало задавать сразу.

— Даже при больном? — спросил Никита.

— Если речь о немедленной опасности, то где стою. Если можно подождать, выйдем.

Я подумал о десятках сестёр из своей прошлой жизни, у которых хватало разума и мужества делать именно так. Некоторых я сам учил этому, а потом злился, когда они начинали применять урок ко мне.

— Согласен, — сказал я.

Мать позвала к столу. Первая беседа окончилась, хотя настоящая проверка ещё не началась.

На другое утро Егор отвёз нас в Лукино. От усадьбы до деревни было три версты; дорога шла между полями, потом ныряла под старые ивы. Я впервые выехал из Берёзового Ключа после падения и с жадностью разглядывал всё подряд. Пока я знал только людей у крыльца. Хотелось увидеть, как они живут дома.

У одной избы сушили бельё, у другой чинили колесо. Ребята босиком шлёпали по подсыхавшей грязи. По дороге прошло стадо; Егор придержал лошадь и выслушал от пастуха всё, что тот думал о людях, выбирающих для поездок час выгона. Из окна автомобиля такой мир выглядел бы декорацией. С повозки он был плотным, шумным и не особенно желал уступать мне дорогу.

За врачом присылали к Марфе Тимофеевой. Женщина встретила нас у двери, прижимая левую руку к груди. На лице ясно читалось: приехали напрасно, всё само пройдёт, а вот раз уж приехали — заходите.

— Давно? — спросил я.

— С воскресенья прихватило.

Выяснение дат заняло время. Прихватило не в то воскресенье, о котором я подумал. Заноза вошла раньше, женщина вытащила видимую часть, работала дальше, потом приложила то, что посоветовала соседка. Болезненность усиливалась, появилась припухлость. Ночью почти не спала.

— Почему не показались Никите Фомичу?

— А кто бы работу сделал?

Ей уже предстояло потерять заработок; опасность пока только обещал чужой доктор.

Рядом стояла девочка лет двенадцати. Пока я осматривал руку, она вытирала сухой край стола. Потом снова вытирала. Анна присела на лавку и спросила её о воде, чистой ткани и о том, кто живёт по соседству. Девочка перестала тереть дерево и начала отвечать.

Гнойный очаг требовал помощи. Пока он не распространился так, чтобы оправдывать немедленную большую поездку, но оставлять его ещё на неделю было нельзя. Имевшееся мы привезли с собой, место подготовили без суеты. Егор достал оставленную в повозке сумку; Анна попросила выставить кошку и закрыть от проходящих ребят дверь.

Марфа насторожилась, когда я объяснил, что предстоит.

— Резать?

— Нужно открыть то, что внутри не может выйти. И потом ухаживать. Я не стану обещать, что будет совсем не больно.

— А работать когда?

— С этой рукой ближайшие дни нельзя.

Она отняла кисть.

— Так мне и без вас нельзя.

Анна не стала уговаривать её моим званием.

— Кто может на несколько дней вас заменить? Сестра есть? Соседка за плату или в обмен потом?

— Сестра за полем. Она сама при детях.

— Давайте позовём. Посмотрим, что можно сделать.

На это ушло больше времени, чем на вмешательство. Пришла сестра, затем соседка, принялись обсуждать, кто возьмёт стирку, кто принесёт готовое. Я сперва нетерпеливо смотрел на часы, потом убрал их. Если Марфа через час возьмётся за прежнюю работу, мои часы будут последним полезным предметом в избе.

Очаг на тыльной стороне кисти оказался небольшим и ограниченным. Больше всего меня беспокоило, не ушло ли воспаление глубже. Я попросил Марфу медленно пошевелить каждым пальцем, посмотрел, где возникает боль, сравнил припухлость с другой рукой. Признаков, из-за которых пришлось бы немедленно везти её к большой операции, пока не нашёл.

Работать пришлось без удобного местного обезболивания, к которому я привык. Короткую боль я объяснил заранее и дождался согласия; превращать маленькое вмешательство в общий наркоз в этой избе считал лишним риском. Марфа стиснула зубы, Анна держала здоровую ладонь, девочка по моей просьбе вышла.

Из воспалённого кармана вместе с гноем вышел крошечный тёмный обломок. Марфа, увидев его после, долго не верила, что такая малость отняла у неё сон и заработок. Я показал, почему сдавливать и завязывать всё потуже не надо, и оставил возможность дальнейшего очищения. Кожа на пальцах оставалась тёплой, двигала ими она увереннее.

Когда девочка вернулась, мать уже держала руку на сложенной чистой ткани, а не прятала у груди. Анна объяснила уход и попросила повторить. Так выяснилось, что слова «сегодня лучше» Марфа успела перевести в «завтра можно стирать».

Я исправил это, стараясь не повысить голос.

На пороге Марфа протянула нам три яйца, завёрнутые в тряпицу. Я хотел отказаться. Анна слегка коснулась моего рукава.

— Спасибо, — сказала она. — Только вы сами тоже ешьте. Вам поправляться нужно.

У повозки объяснила:

— Это ей спокойнее. Не надо говорить, будто она ничего не дала. Другой платы пока не будет, и она это понимает.

Я уложил свёрток рядом с сумкой.

— Вы хорошо знаете, кого здесь надо сперва уговорить, — сказал я.

— Обычно того, кто отвечает за обед. В госпитале это тоже бывало полезно.

Егор покашлял, проверяя упряжь.

На обратной дороге я поинтересовался, не сожалеет ли Анна о поездке.

— Пока нет. Здесь по крайней мере понятно, зачем я нужна.

— А прежде было непонятно?

Она посмотрела на поля.

— На прежнем месте мне велели молчать, даже когда больному становилось хуже. Доктор сердился за вопросы, хозяйка — за расходы. Трудно служить, когда отвечаешь за человека, а сказать ничего не смеешь.

— Мать будет довольна порядком.

— Вашим или своим?

Я засмеялся.

— Сначала придётся выяснить, существует ли общий.

Анна улыбнулась и больше не стала расспрашивать. За это я был ей благодарен. В чужом лице неожиданно хотелось видеть не ещё одного судью, а человека, рядом с которым можно доехать до дома молча.

Климов встретил новую сестру с недоверием. Его раздражало, что за каждой попыткой пересесть следовал чей-нибудь совет. Ещё больше раздражало, что правая кисть не делала привычного. Он взял ложку, уронил, отвернулся от миски.

— Не хочу.

Анна подняла ложку и отнесла в сторону.

— Что другое принести?

— Ничего.

— Значит, дело в ложке.

Он сердито посмотрел на неё.

— Вот и ешьте своей левой.

— Давайте попробуем. Я покажу, как поставить миску, чтобы не уезжала.

Я уже собирался вмешаться, помочь ему самому. Она едва заметно покачала головой. Это не было обращено к больному; это она меня останавливала.

Фёдор ел долго, нелепо и с перерывами. Несколько раз выругался. В конце всё же доел половину. Анна похвалила не его мужество, а то, что он нашёл удобное положение. Потом предложила повторить вечером.

Наедине я спросил:

— Как кисть после попытки?

— Правую не нагружал. Сердился больше на левую.

— Значит, вечером повторим. Но если боль усилится, прекращаем.

Анна кивнула и убрала лишнюю подушку, чтобы ему удобнее было сидеть.

Вечером мать предложила Анне место за общим столом. Сказала это с такой официальной любезностью, что стало ясно: приглашение обдумывалось отдельно.

Никита остался ужинать тоже. Артемий, проходя с хлебом, машинально встал у двери, словно его сейчас станут отправлять с поручением. Мать велела ему поесть на кухне, пока не остыло, и он исчез с явным облегчением.

Вера сразу спросила Анну о Петербурге. Ту интересовало не то, какие там дворцы, а как устроено обучение, где берут книги и может ли девушка продолжать учиться, если семья не желает отправлять её одну. Мать смотрела в тарелку. Я понял, что разговор этот уже велся и ничем хорошим не кончился.

Анна отвечала осторожно. Не обещала ворот, которые откроются одним письмом, но и не рассказывала о пустой мечте.

— Сначала нужно знать, к чему готовиться. Какие предметы уже проходили?

Вера оживилась. Пошла за тетрадями и вернулась с таким ворохом, что Никита отодвинул стакан подальше.

— Нам тоже экзамен держать? — спросил он.

— Вам пока не надо, — сказала она. — Вы уже умеете всё, что я хочу.

Фельдшер смутился. Анна посмотрела на девушку тепло, а мать вдруг сказала, что после ужина можно разложить тетради в её кабинете: там удобнее свет.

Когда все разошлись, Анна остановилась возле окна гостиной. Отсюда было видно, как Никита идёт во флигель проверить оставленные вещи.

— Ему будет трудно, — сказала она. — Он привык один решать всё, что касается ухода.

— Вы тоже.

Она приняла замечание без обиды.

— Поэтому нам с ним лучше договориться сейчас.

— Если понадобится моё слово…

— Понадобится. Но сперва мы попробуем сами.

Я остался у окна после её ухода. В саду пахло сырой землёй, где-то за деревьями шумели лягушки. Хотелось выйти, пройти дальше дорожки, убедиться, что новое тело способно просто радоваться вечернему воздуху. Я уже собирался идти спать, когда Вера открыла старое пианино. Несколько клавиш западали, одна отвечала дребезгом, зато после двух проб сестра нашла целую мелодию. Анна вернулась в гостиную на звук.

— Вы знаете? — спросила Вера.

— Первую половину. Во второй я всегда начинаю сочинять.

— Тогда я буду повторять первую.

Они попробовали. Анна пела негромко, на высокой ноте сбилась и засмеялась раньше Веры. Мать сначала подошла закрыть дверь — звук мешал разговору с кухаркой, — потом осталась у косяка.

Я присел на край дивана. Пока женщины спорили, откуда начинается следующий такт, успел разглядеть у Анны ямочку на щеке и чуть надломленный ноготь. Весь день смотрел, что умеют её руки, а этого не замечал.

— Вы хоть скажите, когда мы совсем мимо, — попросила Вера.

— Я в музыке умею определить два состояния: ещё играют и уже пора аплодировать.

— Значит, вас пригласим на второе.

Анна засмеялась. На этот раз никто не звал меня из комнаты, и я остался, пока Вера сама не закрыла крышку.

На следующее утро у крыльца ждали трое. Старик с больной ногой, женщина с узелком и человек, державший перевязанное ухо. Они успели выяснить, кто первым пришёл, и теперь оживлённо оспаривали медицинское значение этой очередности.

Дуня стояла перед ними с растерянным видом. Увидев меня, облегчённо объявила:

— Вот сам барин.

Трое повернулись разом. Старик взялся за шапку, женщина шагнула вперёд, перевязанное ухо попыталось обойти её сбоку.

Анна вышла из флигеля, остановилась рядом со мной и негромко спросила:

— Всех сразу?

Я посмотрел на три пары ожидающих глаз. Из деревни шли ещё двое.

— Сначала разберёмся, кому нельзя ждать, — сказал я.

И впервые пожалел, что окна у нашего дома так хорошо видны с дороги.

Глава 6. Неполная правда

Михаил Егорович Ракитин, мой старый друг, начал с того, что остановился посреди двора и посмотрел на собственные сапоги.

— Я всё-таки надеялся, что к твоему воскресению дорогу успели починить.

— Дорога была раньше меня, — сказал я. — Она меня пока не слушается.

Он поднял голову. На лице сначала появилась улыбка, потом настороженность. Я видел, как человек готовится обнять знакомого и внезапно замечает в нём чужое движение.

— Вот как ты теперь разговариваешь.

— А как было?

— Печальнее. Когда писал. А когда денег просил — значительно веселее.

Он пожал мне руку. Высокий, худой, с аккуратными усами и достаточно хорошим сюртуком, чтобы не хотелось пачкать его об наши перила. Сапоги в самом деле выглядели дорого. В письме он писал коротко: «Приеду. Пожалуйста, до того ничего не подписывай, кроме собственных назначений».

Мать встретила Ракитина так радостно, что я понял: этого гостя здесь ждали давно. Он поцеловал ей руку, спросил Веру об учёбе и отдал привезённую книгу.

— Чужая, — предупредил он. — Вернуть надо. Поэтому сперва читай, а потом спорь с автором на полях карандашом.

Вера немедленно посмотрела, на сколько ей хватит страниц. Я позавидовал простоте этого знакомства.

За чаем Михаил рассказывал о дороге, о Рязани, о человеке, который три месяца не мог решить, хочет ли судиться с соседом, но уже успел поссориться с тремя поверенными. Рассказывал смешно, без кривляния. Мать смеялась, Вера вставляла вопросы. Я чувствовал, как гость всё время оставляет мне место для старой шутки. Я молчал, и он постепенно перестал ждать.

В кабинете повеселевшее лицо изменилось.

— Ну, показывай.

Я разложил бумаги: копию акта, свою запись разговора с Климовым, отправленное уведомление о нападении, диплом. Последний Михаил отодвинул.

— Это хорошая вещь, но сейчас не помогает. Отчего ты решил, что подпись твоя?

— По виду. И помню сам момент.

— Подделать могли?

— Не похоже.

— Я спросил не о похожести. Ты действительно подписывал приём товара?

— Да.

Он выдохнул и сел.

— Так уже проще. Хуже, но проще.

Я сообщил всё, что знал. Ни чужую память, ни смерть Лазарева, разумеется, в перечень не включил. Достаточно было обыкновенных пробелов: человек после падения плохо помнит осенние дела, но не отрицает своего участия.

Михаил слушал, не перебивая, иногда делал пометки. Потом спросил, что именно Крестовский предложил в обмен на возвращение больного.

— Ничего прямо не предложил. Намекнул на общий интерес и долг.

— Значит, так и будем говорить. Намёк не нужно превращать в обещание, которого никто не слышал.

Он взял копию за угол.

— Эта бумага подтверждает, что ты принял четыреста комплектов. Чтобы утверждать обратное, недостаточно твоего нынешнего желания. Кто считал? Где складская книга? Кто вёз? Что отправили дальше? Откуда вообще взялась цифра четыреста?

— Климов знает.

— Пока Климов знает только то, что ему приятно знать. Пойдём познакомимся.

У больного Михаил прежде всего спросил, может ли тот разговаривать. Убедился, что перевязка окончена, предложил отложить беседу, если устал. Климов согласился сразу — слишком охотно для человека, который вчера боялся всякого вопроса.

— Фёдор Семёнович, вы мне расскажете, я запишу, потом прочту вам вслух. Но я не следователь и не обещаю, что беседа здесь заменит официальные показания.

— Вы Александр-Павлычев друг?

— Да.

— Значит, нас обоих отстоите.

— Я приехал помогать Александру Павловичу. Вас обоих выручать обещать не стану: ещё неизвестно, кто что сделал. Если вас обвинят, понадобится свой поверенный.

Климов недовольно посмотрел на меня. Я подвинул стул ближе к окну и предложил начать с торговли.

Бельё шло через торговый дом «Ковалёв и К°». Крестовский выкупил доли прежних владельцев, а вывеску оставил. Повседневные распоряжения передавал Жданов. Часть товаров покупали у Селиванова — внешнего продавца, который в нашей усадьбе не бывал.

Климов сводил поступление и расход, переписывал счета, иногда сопровождал груз. Амбар Вельских брали под промежуточное хранение; за него платили отдельно. Заказчиком выступала уездная земская управа. До весны часть закупленного для больницы белья предполагали держать на складе, поэтому подпись владельца амбара подтверждала для расчёта то, чего в самой больнице ещё не видели.

— Сколько тюков привезли? — спросил Михаил.

Фёдор назвал число. Потом поправился: тюки были неодинаковые. В некоторых бельё разобрали заранее.

— Кто разобрал?

— Люди со склада.

— Со склада Селиванова или вашего?

— С нашего. То есть до нас. Я за всеми не ходил.

Михаил терпеливо вернулся к началу. Рассказ переставал быть гладким. Не всё Климов скрывал нарочно — после тяжёлого дня я и сам не восстановил бы число ящиков у двери. Но чужие суммы он помнил куда лучше собственных.

— За хранение барину сколько заплатили? — спросил Михаил.

Фёдор ответил сразу.

— А вам за работу?

— Как обычно.

— Это сколько?

— Жалованье. Я ж не помню каждую выдачу.

Михаил перевёл взгляд на меня. Я понял. Климов тоже.

— Мне что велели, я и записал. У хозяина свои бумаги. Он говорит: столько, я и пишу столько. Кто я такой, спорить?

— Человек, который теперь просит поверить его записям, — ответил Ракитин.

Он перевернул свободный лист и разграфил его на несколько частей. Не цифры вписывал — названия вещей, которые нам ещё нужно получить: отправка, приём в амбар, выдача дальше, расчёт с больничным заказчиком.

— Что входило в комплект? — спросил он.

— Простыня, рубаха, наволочка. По три рубля комплект, — ответил Фёдор. — Со снабжением и доставкой так условились.

Михаил написал: четыреста — тысяча двести рублей; сто шестьдесят — четыреста восемьдесят. Между строками осталось семьсот двадцать.

— И это по одной поставке? — спросил я.

Климов кивнул.

Я ещё раз посмотрел на семьсот двадцать. Деньги, которых нам хватило бы на жалованье на несколько месяцев, исчезли между двумя числами в накладных.

— Внешний продавец мог отправить всё, за что ему заплатили? — уточнил Михаил.

— Мог, — ответил Фёдор после паузы.

— Тогда где количество стало больше?

— Не знаю, кто первый написал.

Михаил положил палец на копию акта.

— Здесь уже четыреста. Если до этого вышло меньше, подпись владельца промежуточного склада позволяет дальше предъявлять, будто разница находилась у него. А если начнут спрашивать, где она, можно указать на того, кто принимал и выдавал. Верно я понимаю, чего вы испугались?

Климов медленно кивнул.

Я посмотрел на нарисованные части. До этой минуты акт оставался для меня личным позором — собственной подписью под тем, чего не проверил. Теперь было видно и другое: как удобно такое свидетельство отделяет реальный груз от последующих денег. В амбар не требуется незаметно ввозить вымышленное бельё. Достаточно, чтобы уважаемый хозяин подтвердил его существование, а следующие люди положились на подтверждение.

— Пока это только предположение, — предупредил Михаил. — Нужно свести одну и ту же партию у продавца, у вас и в больнице. Иначе найдём недостачу там, где просто перепутали бумаги.

— Арендную плату за амбар тоже проверим отдельно, — добавил он. — Законная плата за хранение не доказывает дележа недостачи. И наоборот, расписка за аренду не объясняет, почему ты подтвердил чужое количество.

Фёдор замолчал.

Я попросил сделать перерыв. Михаил вышел со мной в коридор.

— Он устал, — сказал я.

— Возможно. Поэтому вернёмся позже. Но вопрос никуда не денется.

— Не стоит его пугать.

Михаил посмотрел на меня уже без дружеского снисхождения.

— Ты хочешь правду или человека, который расскажет нужное? Это разные дела, Саша.

Я не стал отвечать сразу. За дверью Анна переставляла таз, в саду глухо стучали топором. Вопрос был неприятен именно потому, что он не требовал юридического образования.

— Хочу понять, что произошло.

— Его ранили, и это разбой. Но счета он тоже вёл. Не старайся сейчас сделать из него святого.

Мы пошли обедать, и прежний лёгкий тон уже не вернулся.

После обеда Михаил поговорил с матерью о хозяйственных документах. Я присутствовал. Он не требовал доступа ко всем семейным тайнам, но там, где речь шла о складе, не довольствовался ответом «так всегда делалось». Елизавета Андреевна сначала обиделась, потом принялась вспоминать. Оказалось, усадебной кладовой ведал Лука Петрович Буров, пожилой работник, аккуратный в вещах, но не слишком охотный до письма. Часть отметок за него делал сам Александр, часть — кто оказывался рядом.

— Превосходно, — сказал Михаил с таким видом, что Вера сразу поняла: ничего превосходного тут нет.

Книги принесли. Запах от них был амбарный, пыльный. Между страниц лежали обрывки бечёвки, на одной прилипла шелуха. Я перелистывал и думал о своих прежних историях болезни. В них тоже случались неряшливые записи, опоздания, исправления. Но за каждой могла стоять жизнь, которую потом не сумеешь объяснить чистой памятью.

Михаил пометил нужные страницы, не вырывая их из книги. Попросил, чтобы до официального осмотра никто не правил и не «приводил в порядок» старые записи.

— Хоть клякса кажется вам позором — пусть остаётся. Позор потом объяснить легче, чем свежее исправление.

Вера поставила отдельную коробку. На неё наклеила бумагу: «Не трогать». Мать посмотрела и сказала, что это надо было написать над всей прошлогодней кладовой.

На следующий день мы с Михаилом поехали в Ряжск. Мне не особенно хотелось оставлять Климова, однако Анна и Никита ясно дали понять, что перевязка без моего непрерывного присутствия не превратится в катастрофу. Я выписал наблюдения, договорился, в каком случае за мной послать, и только после этого сел в повозку.

Дорога заняла больше трёх часов. По пути Михаил попробовал заговорить о прежней нашей жизни — о товарище в Москве, о каких-то смешных экзаменах, об осеннем приезде. Я отвечал осторожно. Наконец он замолчал, глядя на обочину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.